

УДК 801.558

Е. И. Семиколенова

ТАК ЧТО ЖЕ ВСЕ-ТАКИ ОБОЗНАЧАЕТ ГЛАГОЛ?

Язык в широком смысле понимают как “абстрактное представление о едином человеческом” [11, с. 604]. Эпистемическая функция языка связывает его с действительностью. Язык является основной общественно значимой (опосредованной мышлением) формой отражения окружающей человека действительности и самого себя, т. е. одной из форм хранения знаний о действительности.

Элементы действительности, выделенные, отображенные и обработанные сознанием человека, в виде гносеологических образов закрепляются в единицах языка. В них материализуются структура и динамика мысли, т. е. языковые единицы приспособлены как для номинации элементов действительности, так и для обеспечения потребностей мыслительного процесса [Там же]. По мнению Э. Сепира, “язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены; они в некотором смысле составляют одно и то же” [23, с. 193].

Язык является одним из способов концептуализации всего происходящего в мире. А в мире, как известно, нет ничего, кроме вещей, свойств и отношений. “Нельзя не отметить к тому же, — пишет Е. С. Кубрякова, — что сведения эти соотносятся с простым наблюдением за окружающей нас действительностью и средой, ибо естественный взгляд на вещи предполагает, что в мире вокруг нас, вне зависимости от нашего сознания, что-то с чем-то происходит, что мир полон разных физических тел, взаимодействующих друг с другом, что он существует во времени и в пространстве и что язык **правильно** (выделено Е. К.), по крайней мере в основных чертах, отражает все это, точнее, нарекает и описывает, используя разные единицы языка” [10, с. 141].

Вещи (субстанции) становятся в языке “предметами” (именами существительными). Существование же вещи в мире проявляется через ее свойства, которые могут быть как постоянными, статическими, так и переменными, динамическими. Именно эти последние и будет транслировать глагол. В значении глагола констатируется сам факт существования вещи, отражаются свойства (признаки) ее существования. Однако все, что существует, т. е. вещи, меняется во времени. Иногда говорят “во времени и пространстве”, т. к. довольно часто разделить эти категории не представляется возможным [17, с. 14].

Еще А. А. Потебня подчеркивал:

“Тесная связь между временем и пространством послужила причиной тому, что нередко одними и теми же признаками отмечается неопределенное время и неопределенное пространство, также дальнейшее время и дальнейшее пространство... особых глагольных признаков, отличающих время от пространства, вовсе нет; ко всякому из подразделений во времени можно приложить наречие места, и ко всякому из подразделений по пространству — наречие времени” [21, с. 19].

Как известно, А. А. Потебня, опираясь на взгляды В. Гумбольдта и Х. Штейн-нталя, создал своеобразную философию глагольности. Это стало основой его учения об исторической эволюции основных категорий языка и мышления [3, с.338]. По убеждению ученого, именно глагол позволил перейти языку от более примитивного именного строя к предложению глагольному. В процессе этой эволюции глагол все более и более развивал энергию отвлеченности.

А. А. Потебня считал глагол наиболее конструктивной и наиболее активной категорией языка, а одним из проявлений прогресса в языке — его “оглаголивание”: “В русском языке, как и в других сродных, по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола” [19, с.516, см. также 23, с. 86-116 и др.].

Хотя позже А. В. Исаченко напишет: “В настоящее время мы более трезво смотрим на роль глагола в языке, но магия “глагольности” держится и по сей день...” [8, с.10]. Тем не менее до сих пор ученые отмечают важную роль, которую играет глагол в выделении лингвистически определяемых элементов динамического мира и “стандартизации бесконечного богатства изменений бытия” [12, с.52, 17, с.7 и др.]

Какие же “элементы динамического мира” закрепляются в глагольном слове? Какие из свойств окружающей действительности “ухватывает” глагол? Искания ответов на поставленные вопросы в современной аспектологии сохраняют свою *актуальность*. В связи с этим формулируется и *цель работы*: определить содержание глагола как одного из ресурсов языка, с помощью которого вербализуются, одеваются в слово, динамические свойства окружающего мира.

Однако ответить однозначно на поставленные вопросы не так и просто: “Эти категории являются столь фундаментальными, что в точном смысле определения им дать невозможно. Можно лишь попытаться дать некоторое общее представление о них”, — убеждены А. А. Зализняк и А. Д. Шмелев [6, с.34]. Такие попытки были предприняты многими лингвистами.

Например, Г. Павский рассматривал глагол как “слово по преимуществу” и находил в нем “изображение мыслей” (в отличие от “изображения понятий”, присущего именам) [16, с.13].

К. С. Аксаков отмечал: “Все существующее в пространстве — предмет, все существующее во времени — действие” [2, с. 1-2].

А. А. Потебня считал, что глагол, выделяясь из синкретизма первобытного слова, обозначает действие, процесс: “Термину глагол...соответствует сила, свойство вещи, познаваемое по отражению на других вещах (объектах), стало быть, свойство, в коем сказывается связь между вещами” [20, с.7].

А. В. Исаченко, рассуждая о семантике глагола, писал: “...глагол, как лексико-семантический класс слов, обозначает в самой обобщенной и отвлеченной форме определенный круг явлений объективного мира — процессы, протекающие во времени, т. е. движение” [6, с.8].

В литературе последнего десятилетия мы также встречаем размышления о содержании и структуре глагольного значения. Например, по мнению Е. В. Петрухиной, главной типологической особенностью глагола “выступают выраже-

ние внутренней динамики действия, отражение существования и изменения бытия” [17, с.7].

“Семантические признаки прототипического характера для глагола, — пишут Хоппер и Томпсон, — это, возможно, наблюдаемость в поле зрения, движение (кинетика) и результативность действия, ибо именно эти свойства характеризуют представления, приписываемые детьми грамматическому классу глаголов, а также представления, ассоциируемые универсально с познанием через глагол. Но и здесь... семантических признаков для определения прототипа глагола недостаточно. Для того, чтобы расценить некую форму как прототипическую для глагола, эта форма должна утверждать наличие какого-либо события в дискурсе” [Цит. по 10, с.148].

“...содержание славянской глагольной словоформы, — утверждает Г. П. Мельников, — это содержание небольшого драматического произведения со своей завязкой, кульминацией, развязкой, а иногда и эпилогом” [13, с.131].

Подобное цитирование может быть продолжено. Однако уже приведенные высказывания убеждают нас в том, что, несмотря на некоторые внешние расхождения в формулировках, аспектологи уверены, что глагол “ухватил” динамическую сущность свойств вещей и отношений между ними и именно это закрепил в своей семантике. При этом многие лингвисты неоднократно подчеркивали, что было бы глубоко ошибочно видеть в языковых категориях механический слепок, простую копию внеязыковых явлений.

Например, об этом подробно пишет А. В. Исаченко: “... понятие процесса и явления (“субстанции”), взятые сами по себе, безотносительно, — логические категории. Опираясь на них, мы каждое явление действительности, обозначаемое словом, можем представить под двумя логическими “точками зрения”: или как процесс или как явление. Эти логически разные точки зрения и получают свое выражение в разных частях речи: “ходил” — это процесс, а “хождение” — это явление” [6, с.9]. И далее: “Понятие “процесс” и “предмет” (“вещь”) не являются непосредственным, пассивным отражением элементов объективной действительности: для нашего понимания они раскрываются через языковые категории, при помощи которых человек активно классифицирует действительность, ибо слово бежать нами воспринимается как “процесс”, а слово бег — как “предмет” или “явление” (в самом широком смысле) только потому, что первое в нашем языке — “глагол”, а второе — “имя существительное” [Там же].

Многообразие мира, его движение, изменение преобразуются в грамматические предметы, признаки, грамматическое количество. Бытовые предметы, бытовые признаки и отношения соответствуют грамматическим предметам, признакам и отношениям лишь частично.

Феномены “вещь”, “свойства” и “отношения” взяты из действительности, но переработаны языком, поэтому онтология соответствующей ситуации и ее восприятие говорящим, зафиксированное в глагольном значении, не всегда находится в однозначном соответствии. Окружающий мир преломляется в языке особым образом. Когда речь идет о восприятии, то “имеются в виду не индивидуальные представления говорящего, а типизированные представления, заклю-

ченые в значениях языковых единиц и их сочетаний, проявляющиеся парадигматически и синтагматически [17, с.23].

Еще А. М. Пешковский писал: “Было бы совершенно бесплодным делом пытаться исчерпать в этом перечне все те вещественные значения, которые могут быть опредмечены с помощью категории существительного: это так же невозможно, как полная классификация вещей и явлений того внешнего и внутреннего мира, который эти значения отражает... Для грамматики достаточно просто констатировать, что все непредметное может быть в языке при помощи определенных грамматических средств опредмечено” [18, с. 72-73]. Эту мысль можно продолжить следующим образом: все проистекающее во времени и пространстве, как во внешнем, так и во внутреннем мире, может быть в языке при помощи определенных грамматических средств “оглаголено”.

Глагол передает динамику окружающего мира, трансформируя ее через лексические и грамматические компоненты значения в соответствии с теми ресурсами, которыми он обладает. При этом подчеркнем — ресурсами чрезвычайно богатыми и разнообразными.

А так как “уловить” и “передать” меняющийся, движущийся динамический мир чрезвычайно трудно (это можно попытаться сделать лишь приблизительно), глагол является самой сложной и самой емкой категорией русского языка.

В лексическом значении отражаются индивидуальные признаки действия или процесса. В грамматических значениях передается набор существенных признаков, характерных для любого действия или процесса.

Но, несмотря на все сложности, задача современной семантики, обратившейся вслед за логикой и философией, к анализу концептуальной структуры динамического мира, изменяющегося во времени и пространстве, необходимы исследования глагола и как номинативной, и как грамматической единицы в той же степени, что и имени.

Описание грамматики глагола, как и других частей речи, предполагает выделение и систематизацию грамматических форм и значений, характерных для этого класса слов. В традиционной грамматике это чаще всего осуществляется на основании тех же принципов, которые лежат в основе описания других частей речи, прежде всего имени существительного. С одной стороны, это понятно — грамматика всех частей речи должна строиться на одних основаниях. С другой стороны, имя и глагол имеют разную природу, что часто делает весьма затруднительным использование одинаковых критериев при их описании и систематизации. Природа значения глагола качественно иная, чем природа значения имени, и ее невозможно описать, используя критерии описания семантики имени (вещи).

Однако теория номинации в отечественной и зарубежной лингвистике разрабатывалась прежде всего в связи с именем существительным. Имя существительное, носитель языковой дискретности, членит внеязыковую действительность и называет то, что может стать отдельным предметом мысли.

Номинативные функции глагола, по сравнению с именем, обладают рядом специфических особенностей. По мнению Е. В. Петрухиной, это объясняется следующим: “Глагол как носитель идеи непрерывности отражает связи меж-

ду отдельными субстанциями, названными именами, а также между говорящим и содержанием высказывания, высказыванием и действительностью [17, с.12]

В номинации действий — ситуаций динамического мира — помимо глаголов участвуют и предметные слова. “Процессы обычно воспринимаются одновременно с предметами”, — писал Ш. Балли. Это снижает денотативную определенность глаголов и расширяет сферу их референции. Номинативная семантика глагола сама по себе относительно бедна, она дополняется и уточняется семантикой его актантов. По мнению Е. С. Кубряковой, наиболее четко номинативная функция реализуется у одноместных глаголов типа *расти, спать* [9, с.107].

Поэтому значительно чаще “в семантике глагольных лексем превалирует синтагматическая значимость над номинативной” [11, с. 172]. В целом реальное значение глагола проявляется только в контексте, глагольная семантика по преимуществу носит функциональный характер.

В качестве подтверждения этой мысли обратимся к примеру, который приводит Е. В. Петрухина: “Трудно создать четкое понятие о действиях типа *чистить что-либо* или *открывать что-либо*, т. к. в зависимости от характера актантов соответствующие понятия в известных пределах будут меняться и конкретизироваться даже в рамках одного лексико-семантического варианта (ср. *чистить зубы, ботинки, столовое серебро, ковры; открывать окно, замок, консервную банку*) [17, с.12].

Что же имеют в виду, когда говорят о сложности, богатстве и разнообразии семантики глагольного слова? На наш взгляд, речь идет не о номинативном, а о синтагматическом значении и, несомненно, о грамматическом значении, структура которого наиболее емка и сложна по сравнению со всеми остальными частями речи и существенно от них отличается.

Причина, по-видимому, заключается в следующем. Для передачи динамики меняющегося мира в каждом языке имеется собственный набор средств. В русском языке это прежде всего грамматические ресурсы глагола. Специфика бытия, признаки его существования и изменения во времени передаются с помощью богатого грамматического потенциала, разнообразных грамматических средств, которыми обладает русский глагол.

Под грамматическим значением слова понимают, во-первых, общее категориальное значение слова, присущее ему как единице определенного класса слов (части речи) и, во-вторых, частное значение, представленное одним из видов формально выраженных отношений, характерных для слова как единицы определенного класса. [5, с.302].

Со стороны обобщенно-категориального значения глагол до сих пор характеризуется по-разному. Существует два типа его толкований. В одних случаях категориальное значение глагола определяется через понятие “действие” (В. В. Виноградов, Грамматика русского языка (1960), Ю. С. Маслов и др.), в других — через понятие “процесс” (Грамматика современного русского литературного языка (1970), Русская грамматика (1980) и др.) или “процессуальность” (А. В. Исаченко).

Традиция определения категориального значения глагола через понятие “действие” идет от М. В. Ломоносова: “Глаголы выражают деяния”. В русской лингвистике XX века эта традиция продолжается в работах В. В. Виноградова и его школы: “Глагол — это категория, обозначающая действие” [3, с.345].

По такому же пути определения категориального значения глагола идут авторы “Грамматики русского языка” (1960) [4], в которой “глаголы называют действия (*идти, писать, строить, управлять*). Однако далее следует уточнение: “или же представляют другие процессы в виде действия, как, например, состояния, проявление признака, изменение признака, отношение к кому-нибудь или чему-нибудь (*гордиться, заботиться, звучать, зеленеть, любить, расти, слепнуть, спать, стоять, уважать*). Без данного комментария, по-видимому, обойтись нельзя, т. к. лексическая семантика глагола оказывается, по мнению авторов, гораздо шире предложенных рамок “действия”. И тем не менее авторы “Грамматики” настаивают на том, что: “Все значения глагола, абстрагированные от частного и конкретного, объединяются в общей *категории действия*, что отличает глагол от других частей речи. ... особенность глагола как раз в том и заключается, что состояние представляется в нем как протекающее во времени действие” [4, с.407].

Однако такое понимание категориального значения глагола вызывает возражение лингвистов. Среди них назовем мнение В. Н. Мигирова, который считал неприемлемым определять глагол как часть речи, выражающую действие: “в учебниках обычно глаголами называют слова, которые обозначают действие или состояние и отвечают на вопросы *что делать? что сделать?* Это не вызывает возражений... Но когда на ум приходят такие факты, как *День начинается, Ночь кончается, Заседание продолжается*, то возникает сомнение относительно правильности такого определения. Следует считать недоразумением определение глагола как части речи, обозначающей не только действия, но и состояния.

По мнению ученого, при определении глагола со стороны его категориального значения важно четко разграничивать обобщенное грамматическое значение и значение отдельных лексических разрядов.

Определять глагол как часть речи, обозначающую действие или состояние, — это значит подменять указание на обобщенное грамматическое значение указанием на значение отдельных лексических разрядов [14].

Такая терминологическая путаница возникает, вероятно, потому, что термин “глагольное действие” не есть строгим и однозначным. “Толковый словарь русского языка” С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой приводит следующие значения слова “действие”:

1. Проявление какой-нибудь энергии, деятельности, а также сама сила, деятельность, функционирование чего-нибудь
2. Результат проявления деятельности чего-нибудь, влияние, воздействие.
3. Поступки, поведение. [15, с.153].

В “Словаре русского языка” (1981-1984):

1. Деятельность. (*во мн.*) Поступки, поведение.
2. Работа, функционирование (машины, механизма, различных устройств) [24, с.378].

Употребляя термин “действие”, лингвисты ориентируются на разные его значения: широкое и узкое. В первом случае этот термин обозначает любой тип ситуации, который обозначает глагол, так как именно с действием связано его прототипическое значение. “Действие” же в узком смысле обозначает класс предельных (терминативных) целенаправленных ситуаций — изменений, предполагающих одновременной завершение” [17, с.13]. Другими словами — в первом случае термином “глагольное действие” определяется категориальное значение глагола, во втором — один из его лексических разрядов.

Наиболее распространенное толкование категориального значения глагола осуществляется через понятие “процесс”. Многие лингвисты считают, что понятие “процесс” более широкое, по сравнению с понятием “действие”, оно охватывает и действие, и состояние, и становление, и существование чего-либо во времени (*иметь, относиться, отстоять, начинаться* и т. п.), и все другие разряды глаголов. Т. е. “действие” в таком случае понимают как лексико-грамматический разряд глаголов.

Еще в “Очерке грамматики русского языка” (1945) В. Н. Сидоров характеризовал глаголы как “слова со значением процесса, т. е. слова, выражающие обозначаемые ими признаки как действие, состояние или становление” [1, с.161]. Почти дословно это определение повторяют авторы “Граматики современного русского литературного языка” (1970): “Глагол — это часть речи, обозначающая процесс, т. е. представляющая признак как действие, состояние или становление” [5, с.310].

Более развернутый комментарий к категориальному значению глагола дают авторы “Русской грамматики” (1980): “Значение процесса свойственно всем глаголам, независимо от их лексического значения. Глагол представляет как процесс (процессуальный признак) и действия (*бежать, грузить, рыть*), и состояния (*лежать, спать, страдать*), и отношения (*иметь, преобладать, принадлежать*).

При определении значения глагола как части речи можно использовать понятия “процесс” и “действие”. В этом случае понятие “действие” трактуется в грамматически обобщенном смысле (в отличие от более конкретного содержания понятия “действие”, когда имеется в виду различие между активным действием и пассивным состоянием)” [22, с.582].

А. В. Исаченко представляет глагол как “ часть речи, в которой обобщенное значение “процессуальности” выражается определенными морфологическими категориями”. Подавляющее большинство глаголов выражает действия (например, *писать, бежать, говорить*), процессы (например, *повышаться, толстеть*) или состояния (например, *сидеть, сердиться, грустить*). Семантика таких глаголов теснейшим образом связана с представлением о движении во времени.

Однако в языке имеются слова, не связанные с представлением о движении во времени и все же представленные именно глаголами, ср. *иметь, знать, состоять, стоить* (например, *билет стоит 10 рублей*). Эти глагольные слова обозначают отношения, а не процессы или состояния.

Но общий признак “процессуальности” стал настолько типичным для глагола, как части речи, что всякое явление, выраженное глаголом, представля-

ется в виде процесса, “стилизуется” под процесс [8, с. 7]. (Ср. с именами существительными “бег”, “ходьба”, “любовь”, “утро”, “зима” и т. п., которые “стилизируются” под предмет).

Таким образом, глагол является, по своей семантике, классом слов, обозначающим процессуальность.

Динамика окружающего мира преобразуется в категориальном значении глагола в виде “процесса” или “процессуального признака”. Одним из основных способов передачи этого значения является категория вида.

“Семантической природой процесса является длительность действия”, — пишет Г. А. Золотова. Все языковые операции, связанные с этим, “осуществляются с помощью могучей морфологической техники “перфективации” и “имперфективации”, и фазисных глаголов...” [7, с. 24].

Особенность славянских языков заключается в том, что процессуальность становится своеобразной интерпретацией действительности и выражается грамматическими средствами языковых категорий. “В русском, словацком или чешском языках, подчеркивает А. В. Исаченко, — любой глагол не “просто” обозначает процесс (действие, состояние), а соединяет это значение с понятиями грамматического вида” [8, с. 13].

Все сказанное дает основания для следующих **выводов**.

Большинство лингвистов, давая определение глаголу как части речи, указывает на процессуальный признак как основной в его значении. Процессуальный признак в глагольной семантике представлен как динамический сюжет, отражающий соотношение предметов во времени, причем динамичность может быть выражена в большей или меньшей степени. Динамичность ситуации связывают не только с изменением и приложением энергии, но и с протеканием во времени и членимостью на фазы [17, с.13].

Таким образом, дальнейшая характеристика процесса включает по крайней мере две стороны:

- Процесс и его связь с “последовательной сменой состояний в его развитии”, т. е. с фазовостью;
- Процесс и его связь с длительностью действия, т. е. с представлением о его движении во времени.

Литература

1. Аванесов Р. И., Сидоров В. Н. Очерк грамматики русского литературного языка. — М.: , 1945. — С.161-176.
2. Аксаков К. С. О русских глаголах // Полн. собр. соч. — М., 1875. Т.2 Ч.1: Сочинения филологические
3. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. — М., 1972. — 614 с.
4. Грамматика русского языка. — Т. I. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — 719 с.
5. Грамматика современного русского литературного языка. — М.: Наука, 1970. — 767 с.

6. Зализняк А. А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. — М.: Языки русской культуры, 2000. — 226 с.
7. Золотова Г. А. Категория времени и вида с точки зрения текста // Вопросы языкознания. — №3. — 2002. — С.8-29.
8. Исаченко А. В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. — Ч. 2. — Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960. — 577 с.
9. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении. — М.: Наука, 1978.
10. Кубрякова Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
11. Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1990. — 683 с.
12. Ломов А. М. Типология русского предложения. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1994.
13. Мельников Г. П. Категория степени длительности глагольного действия и ее связь с категорией вида // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. В. И. Ломоносова. Том I. — 2-е изд. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. — С. 122-139.
14. Мигирин В. Н. Курс лекций по современному русскому языку (рукопись).
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. — М.: АЗБ, 1995. — 928 с.
16. Павский Г. П. Филологические наблюдения над составом русского языка, рассуждение 3. — Спб.: Типография императорской Академии наук, 1850. — 273 с.
17. Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. — 256 с.
18. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. — М.: Учпедгиз, 1956. — 511 с.
19. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике. — Т. I-II. — М.: Просвещение, 1958. — 536 с.
20. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике. — Т. III. — М.: Просвещение, 1968. — 551 с.
21. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. IV. Вып. II. Глагол. — М.: Просвещение, 1977. — 406 с.
22. Русская грамматика. — Л.: — М.: Наука, 1980. — 783 с.
23. Сепир Э. Язык: Введение в изучение речи // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. — М.: Издательская группа "Прогресс", "Универс", 1993. — С.26-203.
24. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. III. — М.: Русский язык, 1983. — 698 с.
25. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. — М.: Наука, 1968.

Статья поступила в редакцию 24 сентября 2004 г.